

*Е. В. Свечникова,
преподаватель*

УТОПИЗМ В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Известно, что *утопия* как жанровая форма в белорусской культуре не осуществилась. Изучение утопизма как мировоззрения, бытующего в белорусской культуре, находится в начальной стадии. На существование утопии в виде так называемых «сказок жизни» и национальных форм идиллии указала культуролог Т. Ф. Сухоцкая [4, л. 4, 51]. Утопизм в белорусской культуре проявился в различных формах: не только в художественной литературе, но и в философских эссе, эстетических теориях, политических проектах и т. п.

Утопия как таковая основывается на идее справедливости, опирается на народные идеалы и подкрепляется христианской этикой. Утопические идеи направлены на оптимизацию культуры и общества. Если *утопию* понимать широко – как представления об идеальном обществе и реализацию на практике этих представлений, – то можно констатировать, что в белорусской культуре существовали достаточно интересные попытки осуществления утопии и такие утопические идеи, которые не утратили своего значения по сей день.

Ранние попытки воплощения утопии связаны с идеей социальной гармонии и справедливости. В 1569 г. в г. Ракуве Сандомирского воеводства белорусские, польские и литовские антитринитарики объединились в коммуну (учрежденная Я. Сененьским община базировалась на принципах веротерпимости, всеобщего труда и равенства). Под влиянием утопическо-коммунистических идей П. Бжостовский (1730–1828) из Нарочанского края учредил «Крестьянскую республику»; радикально-утопический проект христианского общества равных был создан шляхтичем И. Еленским (1756 – ок. 1811), написавшим произведение «Благовесть Израилю Российскому, то есть приверженным к Богу староверам благочестивым».

Самым радикальным белорусским утопистом, на наш взгляд, был И. Абдиралович (И. В. Кончевский) (1896–1923), который в эссе «Адвечным шляхам» проводил анализ общества и культуры с идеологических и аксиологических позиций. Мы бы охарактеризовали его взгляды как утопическо-анархические: об анархизме

свидетельствуют отдельные положения эссе философа (рассуждение о кооперативах, т. е. свободных ассоциациях, отрицание авторитета традиции, совпадения с идеями П. А. Кропоткина о социальных отношениях и обычаях, которые не должны застывать в своих формах). Утопичность же заключается в том, что И. Абдиралович предлагал произвольно изменять социальные и политические институты, нормы и ценности, если они мешают нормальному свободному течению жизни. Это проект радикальной контртрадиции, так как сознательному изменению, как предполагал И. Абдиралович, надо подвергать традиции (в том числе обычаи), религию, институт семьи, правовые нормы и тип государственности. Причем подразумевается постоянная трансформация всех форм культуры, а не разовая революция и последующее закрепление застывших форм.

Утопический компонент всегда присутствует в антиутопии: антиутопия – это антимиф, призванный бороться с мифом (утопией), но имеющий в основе все ту же утопическую идею: «Душа... рождена для счастья» [2, с. 71]. Вся разница в том, что в антиутопии модель идеального общества имплицитна, ее надо выявлять, восстанавливать по косвенным признакам, авторским «ремаркам», по мотивам и авторской интонации.

В белорусской антиутопии достаточно сильна утопическая интонация: в ней идеализируется крестьянский образ жизни, крестьянская нравственность (в противовес городской культуре и моральному облику горожанина), сильны антитехницистские, антинаучные тенденции. Ряд произведений опирается на мифический образ «золотого века», патриархального времени. Ориентация на идеализированное утопическое прошлое отмечается в антиутопических произведениях «Карабель» и «Пабакі» В. Гигевича, «Катастрофа» Э. Скобелева, «П'яўка» Ю. Станкевича и др.

Новая фантастическая повесть В. Гигевича «Страчанае шчасце» находится в поле притяжения утопии [1]. Повесть основана на мифологеме «золотого века», которая генетически восходит к античным представлениям о «золотом» поколении, не знающем горя, обладающем божественным совершенством и спокойствием души. Автор описывает первобытность: дни, когда отношения между людьми были безыскусны, чувства и вера – сильны, природа была матерью, а не материалом для переработки. Автор пытается

воссоздать свойственное палеолитическому человеку наивное восприятие мира, его восторг перед Космосом и всем миропорядком – перед звездами (очами Бога), перед буйством жизни и природных сил. Образцом для сравнения становится общество, функционирующее на принципах альтруизма, справедливости, человеколюбия. То, с какой любовью автор описывает зеленый лесной мир, показывает, как тоскует современный человек по первозданности, по материнскому началу природы. Одной из ключевых тем в повести становится проблема обретения смысла жизни и богопознания.

Первобытность предстает в повести идеальным миром: племя охотников и собирателей – это одна семья, очень маленькое сообщество, где все друг друга знают, где все сплетено узами зависимости, любви (в большей степени, чем неприязни) и взаимопомощи. Фактически в этом портрете нетрудно узнать идеализированный образ традиционной деревни. У современного горожанина, не порвавшего связь с «почвой», тоска по жизни в комфортном локальном сообществе очень сильна.

Маленькое охотничье племя стало моделью, образом сегодняшнего человечества: род разъедают соперничество и вражда, над родом нависла беда. Спасение – в человечности, в сострадании, во взаимопомощи, в том, что, как считает автор, отличает нас от зверей. Автор убежден: без чувства единства нам не выжить. Это простая, но крайне важная для современного общества мысль.

В повести «Страчанае шчасце» чувствуется консервативный настрой: обличаются современный гедонизм, погоня за материальными благами, размытость гендерных ролей. В противовес современности (мотив «неправильного миропорядка») автор создает картину глобального единства: Бога – Вселенной – Земли – рода – человека.

Ориентация на идеологии прошлого, реконструкция которых является, по сути, сотворением заново, дает неожиданные плоды: так, в последнее время в странах Восточной Европы стало популярным славянское язычество. Религиозная утопия родноверов завоевывает все больше сторонников в Беларуси. Родноверы считают необходимым сделать язычество основой государственной идеологии Республики Беларусь, ввести цензуру СМИ,

сформировать языческие «кадры» в учреждениях образования и ввести соответствующие дисциплины в программы вузов [3].

Наряду с религиозными, политическими, философскими и литературными формами воплощения утопических идей в белорусской культуре можно упомянуть эстетическую форму, связанную с деятельностью «Утвердителей нового искусства», художественного объединения, основанного К. Малевичем в 1919–1920 гг. в Витебске. К. Малевич работал над созданием единого стиля эпохи (принципы супрематизма, провозглашенного художником нового направления, должны были применяться в искусстве и в быту). Целью стало формирование нового «космического» мышления. Деятельность художников-новаторов выходила за рамки эстетических поисков, это была попытка воплощения философско-мистическо-эстетической утопии.

Таким образом, утопизм в белорусской культуре можно охарактеризовать как поливариантный и многовекторный: с одной стороны, ряд утопических идей и проектов направлен на идеализированное прошлое, на его «воспроизведение», с другой стороны, утопические идеи устремлены в будущее и подразумевают тотальную трансформацию общества.

---

1. *Гігевіч, В.* Страчанае шчасце / В. Гігевіч // *Польмя*. – 2011. – № 4. – С. 12–55.

2. *Идея* возрождения Речи Посполитой. – URL: <http://www.manarchija.org/nrp-ru>.

3. *Манархія*. – URL: <http://www.manarchija.org/>.

4. *Мор, Т.* Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III : пер. с англ. / Т. Мор ; изд. подгот. М. Л. Гаспаров [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ладомир : Наука, 1998. – 463 с.

5. *Славянский мир* : мировоззрение, культура, стратегия: резолюция 9-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 февр. 2009 г. – URL: <http://www.forum.rodnovery.ru/index.php?/topic/426-%>.

6. *Сухоцкая, Т. Ф.* Тыпы і формы ўтопіі ў беларускай культуры : на матэрыялах грамадскай думкі і мастацкай літаратуры XVI–XX стст. : дыс. ... канд. культуралогіі: 24.00.01 / Т. Ф. Сухоцкая ; Беларус. дзярж. пед. ун-т. – Мінск, 2002. – 113 л.